

РЫЖИЙ

Рыжий

“У меня всегда жены были лучшие любовницы”.

Я записал эту фразу два дня назад и теперь беру тетрадь и пишу дальше.

По лесной дороге приехал человек на таратайке и сказал мне, что от инфаркта умер Рыжий. Я сказал ему спасибо и пошел на пляж купаться. Вода была не очень холодная, хотя было уже двадцать первое августа. Я искупался и еще надел плавки и побегал по песчаному пляжу босиком. Плавки можно было и не надевать: зрителей все равно не было. Это у Рыжего была манера ходить по пляжу в плавках и в резиновых высоких сапогах. Он считал, что это очень действует на женщин. Меня от этой его привычки просто трясло. И никакой нормальной женщине это тоже понравиться не могло, хоть в этих сапогах и красовался сам Рыжий.

Конечно, смешно было верить, что Лёнька мог умереть, и я об этом старался не вспоминать. А размышлял я о том, какое количество людей не хотело бы видеть меня на похоронах, и я буду там слоняться и только и думать, чтобы не подать лишней руки или с кем-нибудь по ошибке не поздороваться. И еще чтобы они, не дай Бог, не заподозрили, будто я рассчитываю, что эта смерть станет поводом для взаимного примирения. Да я и не хотел ни с кем мириться.

Но все-таки главное: я не хотел идти на похороны, потому что не хотел видеть его в гробу. Не из-за того, что я вообще ненавижу ходить на похороны и глазеть на покойников, хоть это тоже правда, но я не хотел видеть в гробу именно его. Ровно неделю тому назад мы с ним вместе хоронили мою мать, и после этого он звонил каждый вечер и приводил меня в норму. Но там, в крематории, он сказал одну из самых дурацких и циничных своих фраз. За сорок лет наших отношений такой глупости я от него никогда не слышал. Рыжий оглядел нашу изрядно постаревшую толпу с сединой и хромотой и, поморщившись, назвал себя и нас всех “полуфабрикатами”, что на пороге крематория звучало достаточно зловеще. Но и я сам в конце концов не удержался и, прощаясь с одним из наших друзей, сказал, что следующий раз мы увидимся с ним уже на моих похоронах. Это был Женька Пази, которого я не видел до этого ровно двадцать лет и который из своего тошнотворного чувства долга не мог не припереться на похороны моей матери. И в этом смысле было бы как раз правильнее к Рыжему пойти, чтобы встретиться там с Женькой раньше срока и этим перешибить вероятности и

судьбу. Но я надеюсь, что самому Рыжему в высшей степени все равно, потащусь ли я смотреть, как он лежит в гробу, обложенный орхидеями по 50 рублей за штуку. Вообще он был человеком совершенно не религиозным, хотя я уверен, что человек триста, которых соберут его похороны, обязательно превратят их в царство обрядов и целования мощей, а я слишком долго прожил в ультра религиозной стране, чтобы я мог выдерживать любые церковные ритуалы. Но народу наверняка будет много, и им не придется, как мне, искать здоровых мужчин, чтобы нести гроб от морга до автобуса. И в глубине души мне было даже завидно, что у Рыжего соберется столько близких. Потому что у мамы на этой последней церемонии было всего человек двадцать. Ей был 81 год, и ее немногие оставшиеся в живых друзья сидели в начале августа на своих дачных участках. Да и ко мне самому кроме Женьки Пази, который после моих слов притащится обязательно, придет еще от силы человек семь, хоть мне довольно трудно представить себе, на кой черт им это понадобится. И еще, конечно, явятся мои безутешные дети и внуки, которых, впрочем, будет довольно основательное количество. К Рыжему тоже явится несколько взрослых детей, но, кажется, им не всем ещё сообщили, что они имеют отношение к Рыжему, и исследовать, сколько окружающих детей похоже на моего друга Лёньку, на похоронах я не собираюсь. А не проводить такое исследование я профессионально и физически не могу. И мне остается только ни за что туда не идти.

Еще меня мучило, что пара человек (на самом деле таких было четверо) должны сейчас удариться в неминуемый запой, и с этим без Рыжего будет ничего не поделать.

Неделю назад я спросил у Лёньки, для чего приходят на похороны - к умершему или всё-таки к его родственникам. И он ответил мне, что к кому как. Но есть люди, к которым он бы обязательно пошел, даже если бы у них не было вообще никаких родственников. Если бы они были круглыми сиротами. И я, собственно, действовал по этому же принципу, только с обратным знаком. Потому что если есть люди, смерти которых я не смогу признать и не желаю видеть их мертвыми, то в моей жизни я знаю только одного такого человека. Теперь можно говорить "знал".

И в голове остались два бесполезных телефона, по которым можно уже никогда не звонить, - это 2648787 и телефон моей мамы 5432026, но я помню еще первый Лёнькин телефон А 11785, который начинался с "А", как старый несуществующий московский трамвай. Это телефон с улицы Плеханова, 6, с которой он уехал тридцать лет тому назад, и этот номер из памяти тоже уже можно стирать.

Я перебрал в памяти все имена и не могу больше вспомнить ни одного случая, чтобы похороны человека настолько были похоронами именно самой жизни. Жизни как таковой. Я не знаю, понимаете ли вы, что я хочу сказать.

И больше я не хочу упоминать о чьих бы то ни было похоронах, потому что я сел писать записки не о смерти, а о жизни. И о сексе.

Еще я хочу рассказать о наших общих женах и самую последнюю историю, которую я от Лёньки слышал где-то за неделю до смерти.

Кто не хочет, пусть себе не читает. Во всяком случае, живого Рыжего покоробить такими разговорами я бы не смог. Рассказ должен быть еще и веселым, потому что Ленька был прежде всего очень веселым человеком, а смерть есть смерть. Пушкин тоже умер, но достаточно того, что о нем скорбят учительницы литературы, остальным людям Пушкин должен запомниться не только тем, что он умер.

Видит Бог, я никогда не думал, что буду писать о Рыжем, потому что мне не приходило в голову, что Рыжий может умереть. И это с его стороны настоящая подлость, потому что, кроме того, что он не отвез меня на Белое море, мы не успели еще поделиться несколькими главными тайнами. Мы должны были их выдать друг другу, только когда мы переживем всех своих баб или главных баб, но этого не случилось.

К сожалению, я не верю, что это будут веселые похороны, а спросить у Рыжего, каких он всё-таки хочет похорон, мне не довелось.

Всё-таки человек, перед тем как он умрет, должен оставлять распоряжения, о чем можно и о чем нельзя говорить после его смерти. Хотя сам я пока не могу решить, о чем следует говорить после моих похорон. В здравом уме я заявляю, что если уж их самих будет не избежать, то мне точно не нужно никаких поминок. Меня тошнит от мысли, что у кого-нибудь будет постная рожа или заплаканные глаза. Я хочу, чтобы знакомые отнеслись к этому как к празднику освобождения, недоуменно вздохнули и пошли себе доживать свои замечательные частные жизни без меня.

Но как жить без Рыжего, я пока еще придумать не мог. И сразу банальность, которая его всегда раздражала. При той трогательной любви, которую Рыжий испытывал к Окуджаве, его часто тыкали в Леньку Королева и в “присвоили звание короля”. И это королевское звание так часто ему шили, что даже песню эту Ленька никогда не пел. Сейчас я вспомнил последние слова этой песни. “Потому что, виноват, но я Москвы не представляю без такого, как он, короля”. Не представляю.

Но пока в голове у меня в основном вертелась всякая дребедень: я вспомнил, что, играя в покер, мы дразнили его “гением энергии”, передразнивая одну его

очень экзальтированную невесту, или называли Лёкой. Его это очень бесило, он начинал смотреть поверх очков и сопеть, и играть против него становилось заметно легче. Или что Герка дразнил его “главным дефлоратором”, передразнивая уже самого Рыжего, но на это Рыжий никогда не обижался. Хотя я знал несколько девчонок, которых именно Лёка лишил девственности, и думаю, что он в этом занятии совершенно не разбирался. Он даже не всегда понимал, что перед ним девственница, и вот эта тема мне кажется намного более праздничной, чем организация поминок, и соответствует желанию выстроить человеку памятник. Пусть и не из совершенно белого мрамора, но, во всяком случае, из солидного и очень достоверного материала.

И я пытаюсь дать общесексуальный портрет рыжего покойника. В этом мне не сможет помешать такой пустяшный повод, как смерть.

В конце концов, нечего начинать жить, если боишься умереть, это в правилах игры. У меня самого эти слова “умереть” и “смерть” не вызывали торжественного страха. Хотя и пора было уже посмотреть правде в лицо и понять, что никто не вечен, и раз Рыжий умер, то и мне тоже не удастся жить вечно. И следует серьезнее отнестись к довольно дурацким болям в области сердца, которые я до сих пор принимаю за свой юношеский невроз.

Боли я на всякий случай снимаю дешевым разливным коньяком, который выносят с винного завода номер 4. И, видимо, что-то такое на железнодорожной платформе Волховстроя испытал Рыжий, только его боли было ничем не снять. Но он мне даже никогда не говорил, что у него бывают боли в сердце. И о разливном коньяке я предупредить его не смог.

За три недели до смерти Лёнька вернулся с Севера с какой-то своей последней женой, которую он мне никогда не показывал, и это меня немного настораживало. Я за это тоже не показал ему свою последнюю жену.

Собственно, наши жены и есть основная тема, из-за которой я не сплю вторую ночь и пишу эти строки, и из них же я выстраиваю мраморный памятник господину Чаадаеву. Моему другу Лёньке Усвяцову. Но я достаточно примитивный человек, поэтому не смогу нарисовать Рыжего как философа-мистика, более того, через неделю появится статья в Коммерсанте, в которой Рыжего назовут защитником Белого дома и даже борцом за гражданские свободы. А я далек от этих проблем и пишу в строгих рамках того, в чем я сам сколько-то разбираюсь.

Я никогда не считал его никаким борцом. Я знаю, что когда-то он давал платные объявления туманного содержания: “Готовлю девушек к поступлению в ВУЗЫ”. Это все, что я знаю по поводу его борьбы за гражданские свободы. Лёнька врал, что на это объявление откликались, но я ему завидовал и не верил. Вообще

зависть – это постоянное чувство, которое преследовало меня в наших отношениях, и мне придется его слишком часто упоминать.

Девушку, с которой он ездил на Север, а потом отправил куда-то за границу, он мог от меня не скрывать, потому что мне уже доложили, сколько ей лет, а я зарекся влипать в какие-то истории с женщинами, над которыми висит сорок. Потому что я не могу гарантировать им никакой вечной любви, и вообще меня всю жизнь интересовали только дети, а Рыжего интересовали только женщины, и кто из нас был правее, мы так и не успели доспорить.

Возраст женщины для Рыжего не существовал. Здесь он имеет передо мной все преимущества на свете. Он видел в каждой женщине просто женщину. А сколько ей лет, как она выглядит, чем она занимается, никакого значения не имело. То есть это совсем не значит, что у него не было любимого типа женщин, это не так. Его тип был известен мне еще по школе. Сейчас этим типом забиты все маршрутные такси. Особенно их много в 48-й маршрутке, она идет через площадь Мужества до Северного рынка, этот тип называется “девочкой на шаре”. Но видеть этих девочек на шаре из нашего прошлого на похоронах мне было невозможно, потому что время есть время и ни о каких шарах сейчас речь давно уже не шла. Уже не было таких шаров.

И вероятно, видеть в любом лице женского пола ЖЕНЩИНУ – это фантастическое свойство Дон Жуана.

Правда, и я сам уже после материнской смерти чуть не вступил в половую близость с довольно немолодой, но очень женственной маминой ученицей, с которой мы были знакомы еще по Таллинну и которая училась приблизительно в одни годы со мной, мужу её было уже за семьдесят. Но даже не его возраст был препятствием к тому, что между нами так ничего и не произошло, а скорее ее страх за мою репутацию, который был внушен ей ещё моей мамой. И там было много преувеличений. Но ей самой было именно стыдно, что я могу сойтись с уже совершенно сложившейся бабушкой, и мы решили, что раз уж за предыдущие сорок лет мы так и не отважились на близкие отношения, то правильнее всего в траурную неделю от этого тоже воздержаться. А Рыжий не удержался бы ни за что на свете! И это только подчеркивает разницу между нами, и совершенно не в мою пользу.

Сейчас я чувствую, что полный мрак события, когда я живу пять, семь или восемнадцать часов с известием о Ленкиной смерти, начал цементироваться. И вторая смерть самого близкого человека за одну неделю закалит кого хочешь. И мне можно уже, не отвлекаясь, изложить свою версию жизни, в которой не только себя, но даже и Ленку мне не хочется называть ни лейдиз мен, ни дон-

жуанами, ни казановами. Но надо признаться, что ни для меня, ни для него ничего кроме девок в жизни значения ни имело. И Рыжий, отправив свою последнюю жену в Германию, собирался поехать с какой-то совершенно секретной девчонкой в лес, хоть я и уговаривал его очень активно поехать вместе на Ладогу. Но он почему-то был абсолютно непреклонен и умер у этой, мне неведомой, девочки на руках. Под тяжелым рюкзаком в каком-то задрипанном Волховстрое на станционной платформе у него в один миг разорвалось сердце. Бедная девочка!

Если я сейчас кому-то сочувствовал, то это была именно она. И я не знаю, существует ли на свете мужчина, который сможет отогреть девчонку после такой свалившейся на неё жути. Перед самым нашим отъездом девятнадцатого августа Рыжий позвонил мне утром, и мы очень тепло навсегда попрощались. Третий раз за жизнь. И, видимо, последний. Я только сказал ему, что тороплюсь на Ладогу, потому что меня жжет ощущение, что я должен там очутиться, и я знаю, что со мной там должно что-то произойти или я должен о чем-то написать, но точно объяснить свое предчувствие тогда я не смог. Я только написал одну фразу “У меня всегда жены были лучше любовниц”, взял двух маленьких сыновей и старшего внука и уехал. Мы с Ленкой в таком составе очень хотели вместе провести август. Но на Север мы не уехали из-за смерти моей матери, билеты пришлось сдать, и, наверное, это именно у нас, а не у несчастной девочки он должен был умереть на руках.

А теперь передо мной стояла задача: не задевая никого из наших прежних возлюбленных, написать эту памятную записку, так чтобы не превращать свой текст в голый поток пошлостей, хоть для неподготовленного слушателя все наши истории, даже если их сильно редактировать, все-таки совершенно непристойны. Но без этих историй тоже не обойтись. Потому что всё-таки Дон Жуанов хоронят не по общим унылым правилам. Да и пишут о них по-другому. А покойник, с которым я сорок лет дружил, был матюжником и бабником, и уж от чего я хочу уберечься, так это прежде всего от патоки. Несколько лет назад умер мой близкий друг, доцент моего института и заведующий реанимацией, кстати, тоже Ленка. Но вообще-то в сердце своем он всегда оставался нормальным армейским шоферюгой. Его любимым выражением было (редакторам не править и девушкам не читать) “тупой как три хуя вместе”, и, произнося это, он всегда складывал вместе свои толстые короткие пальцы, и именно об этом, а не о его нестигаемой любви к пациентам я стал бы говорить на похоронах. Потому что я не понимаю, как можно похоронить мужчину, не вспомнив о его самых теплых и человеческих проявлениях. Следующую фразу я, кажется, где-то стащил, но я не помню, где точно.

“Он был самым талантливым человеком, которого я знал за жизнь”. Кажется, это из фильма “Четыре свадьбы и одни похороны”.

Рыжий был общедаренным человек без особенных - кроме отношений с людьми – предпочтений, как многие евреи по отцу, то есть настоящие, а не фиктивные раввинатские евреи.

Фантастически одаренный человек, который не стал никем. Только этой толпой в триста человек, которая явится к нему на похороны. И, при самых минимальных вложениях, еще несколькими взрослыми детьми в семьях знакомых и одной взрослой дочерью в Благовещенске, где Рыжий служил. И я точно выяснил, что у него был роман с дочерью замполита. Или с женой замполита. Может быть, даже с самим замполитом, я бы не удивился. Меня не интересуют мелкие детали, потому что я хочу описывать не фактическую часть, а только самую пульсацию жизни вокруг своего друга Ленки.

И чтобы как-то оттянуть необходимость упоминания наших жен или, скажем, историю наших общих жен, я постараюсь выбрать из бесконечного потока анекдотов, прибауток, песен, блатного фольклора, которыми Рыжий был начинен, какой-то фирменный знак или просто поразившие меня слова или строчки.

Я сразу отмечаю то стихотворение, которое, единственное за всю жизнь, помню у него в руках. Хоть Рыжий читал всегда и все, а многое даже еще раньше, чем оно было написано. Но поэму Бродского, с которым он познакомился до армии, я приводить здесь не собираюсь. Рыжий мне кажется фигурой намного более значительной, чем Бродский, во всяком случае именем “Бродский” утверждать Ленкину репутацию я не стану.

И для рассказа-некролога я оставляю что-то находящееся в контексте события и самого моего повествования. И, прежде всего, это поразившие меня частушки про деда Михея и его шубу. В них есть такие слова (редакторам не править и девушкам не читать):

...хороши в Москве девчонки
хуета на хуете,
ноги тонкие, кривые
и пизда на животе.
Шуба, шуба,
Шуба у Михея...

И еще Ленькиным фирменным знаком я считаю анекдот про трехголового Змея Горыныча, которого по очереди, я даже не знаю как назвать это слово в траурном тексте (редакторам не править и девушкам не читать), три русских богатыря Алеша Попович, Добрыня Никитич и Илья Муромец. И ожидающий своего часа Алеша Попович говорит сказочному чудищу, что “три головы – хорошо, а было бы три жопы, так давно бы уже все дома были”.

Надо сказать, что частушка эта про такую деликатную особенность москвичек, пропетая мне тридцать лет назад Ленькиным голосом, очень существенно повлияла на мою жизнь и на моё воображение. Я и сейчас только о ней и думаю, случайно попадая в Москву.

Кстати, когда я уже находился в Риме и мы единственный раз разговаривали с Рыжим по телефону, то первым вопросом, который он мне прокричал сквозь плохую слышимость вонючей кабинки римского общественного телефона было: “Правда ли что у них, у римок, эта штука находится поперек?!”, и я сказал “правда”, чтобы хоть как-то заинтересовать его эмиграцией.

Но он все равно никогда не хотел уезжать. Никогда. Я помню, как я орал на него на улице Типанова, что “вы тут все передохнете!”. И прекрасно помню его спокойный взвешенный ответ, что “это не позор - достойно умереть”.

И смерть его получилась действительно достойной. Потому что смерть под рюкзаком вполне можно зачесть за смерть в любовной постели, и вот от этого уже точно нужно переходить к нашим женам, хоть делать это мне страшно. Во-первых, мне не придумать, как эти истории начинать. Я вожусь с фразой: “У нас было несколько общих романов”, но это не совсем точно.

Когда-то, когда я увел у него четвертую жену, он сказал мне со смешком фразу: “Изладился! Прямо из стойла уводить!”, и это уже точнее. Но сейчас я понимаю, что этот разбойничий увод Ленькиных жен является только продолжением моего пожизненного комплекса его превосходства, с которым я всю жизнь боролся. И причина не в том, что я мог быть любовником лучшим, чем он, или более теплым мужем. Скорее, его отношение к жене могло быть не слишком сфокусированным, он только вырывал женщину из реальности, снимал с неё защиту, и тут я со своими комплексами являлся на всё готовенькое. Наверное, все эти истории можно трактовать и в менее категорическом смысле. Но, скорее всего, это были какие-то хрестоматийные истории из учебников по психологии или фрейдистские закрутки, в которых я буду копать уже на пенсии, когда сбегу от своих родственников в лес или они упекут меня в дом престарелых подшевле.

Может быть, Рыжий обещал женщинам так много, что вообще один человек другому принципиально не в состоянии дать, и естественное разочарование бросало их ко мне. Где всегда было реальнее, проще и, на мой взгляд, намного менее интересно. Опять, увы, не в мою пользу. (Три строки выше редакторам не править и девушкам, к сожалению, не читать.)

Вполне вероятно, что не нужно придумывать дополнительные сложные комплексы или какое-нибудь мое скрытое влечение к Рыжему. Сексуального влечения к нему у меня не было. Наоборот, меня раздражал не просто мужицкий дух, который от него исходил, а какой-то болотный запах. Этот запах всегда при нем присутствовал. Интеллигентные люди, о которых пишут в Коммерсанте, так не пахнут. Так пахнут только деревенские эфиопы, с которыми я сталкивался в Иерусалиме. Запах настолько нестандартный, что, наверное, женщинам приходилось долго ошарашенно принюхиваться, а потом идти на попятную было уже поздно.

А всё-таки чем же он брал девчонок? Сейчас пора было систематизировать методы его работы, хоть воспользоваться ни одним из них я все равно не мог. Даже самым простым. Он мог свободно познакомиться с любой женщиной на улице. Если бы я обладал этим умением, то жизнь моя давно бы покатила в совершенно другие стороны. Один раз, лет в 19, он склеил на Невском худенькую элегантную брюнетку, с ходу начав выдавать себя за художника, и ему даже пришлось сделать пару ее довольно неудачных набросков, которые она приняла за чистую монету. Но, в общем, это не имело особенного значения, потому что она оказалась довольно заурядной проституткой.

Кроме голоса работал цвет волос, совершенно бронзовый, как у крашеной пэтэушницы, но он держался только до армии. Вообще, Усвятцов был загублен армией, и если бы не эта дочка замполита и теперь его внучка, видимо, тоже бронзового цвета, то это были страшные годы не только для него, но и для всех нас. Потому что для нас это было первой тренировкой на жизнь без Рыжего, которую мы все не выдержали, а точнее, на умирание всех отношений без него, в чем мы отлично преуспели. Никаких подробностей о внучке замполита я сообщить не могу, по бронзовой шевелюре её можно попробовать искать в Благовещенске, но вообще Рыжий не очень стремился признавать своих детей. Даже, скорее всего, это было каким-то чудовищным их непризнанием. То есть он не признавал детей, которых ему навязывали, присваивая себе царское право признавать детей или их не признавать. Но самое интересное, что я, при своем сверхжестком морализме в этом вопросе, ему одному на свете этот порок прощал, как простил бы ему, если бы он был и вором, и сутенером, и голубым, и синим, и коммунистом, и фашистом, потому что его все равно нельзя было

вписать в любые из этих рамок.

Пение Рыжего тоже для окружающих всегда оставалось чрезвычайно важным моментом. Конечно, Рыжий был потенциальной эстрадной звездой, и, родись он попозже, скакал бы он по сцене, как Буйнов и Газманов, и только бы мы Рыжего и видели. Голос был невероятно богатый, красивый и абсолютно обвораживающий. Он занимал собой любое закрытое пространство, и на него, конечно, слеталась масса длинноногих дур.

И много лет он брал девчонок тем, что он пел, но в последние годы это происходило все реже, как-то ему не пелось.

При этом любил, так я сейчас думаю, Рыжий только одну женщину, которая его тоже по-своему любила, но он был для нее физиологически слишком бурным. В духовном смысле она ему полностью отвечала, но просто она не очень любила, когда он до неё дотрагивался.

Вообще по роду своей деятельности я должен был раз в несколько месяцев выслушивать очень откровенные признания и считаю сейчас, что Рыжий был не то что бы довольно средним любовником, но просто в наших широтах существует довольно ограниченное количество женщин, для которых он был любовником идеальным. Которые если и не являются нимфоманками, то уж очень избыточны в постели, и только им могут нравиться теряющие голову, клокочущие партнеры. Те конкретные половые акты, которые я знаю по раскиданным на четыре десятилетия рассказам, могли понравиться исключительно диким деревенским девкам.

Хватит пока о женах, я должен перевести дух и прерваться.

“Торнадо приближается” - вот такая телеграмма пришла из Хабаровска, когда Рыжий отслужил свой срок. Хорошо бы в своей жизни еще раз получить телеграмму такого содержания. Я чувствовал от него в последние месяцы громадное тепло, но встречались мы после моего возвращения всего раз шесть или семь и только во время ритуального покера. И всегда сценарий был одинаковый.

Все хотели играть, а он начинал нарезать колбасу и невероятно смачно есть, хрустеть зеленым луком, макать его в соль и что-то рассказывать. И мы постепенно вспоминали, что покер, конечно, покером, но все-таки не только из-за карт мы здесь собрались.

Затягивание людей в покер было его настоящим сознательным преступлением. Методика была очень простой - человек может научиться играть в покер, только если он проиграет во время этой учебы достаточное количество денег. Никакой игрой “на раздевание” или “на интерес” в покер не научиться. Нужно проиграть

важные последние семейные деньги, чтобы ты стал разбираться в игре. И инструктор, который учит тебя играть, может довольно долгое время от тебя основательно подкармливаться. А потом ты переходишь в разряд партнеров, и с тобой можно будет уже играть для удовольствия. Беспроигрышная цепочка. От этой болезни, которая называется покер, мне не отделаться до сих пор. Кто меня затянул в эту трясику, в этом тексте я постараюсь не упоминать. Но сейчас у меня есть все основания от этого вылечиться: меня не интересуют новые партнеры, и без Рыжего играть вообще не очень интересно. Есть, правда, несколько человек, с которыми игры возможны, но именно потому, что за нашим столом мысленно все время будет оставаться он.

Покер - это масса выброшенных лет и постоянные картинки в мозгу, вплоть до самых недавних.

Идет начало этого злосчастного лета. Уходим с покера, и где-то следом за нами должен выйти Борька Федоров. У Борьки совсем сдает зрение, но ему нужно пройти всего сто метров до остановки, и он прекрасно успевает доехать до дома. А нам с Рыжим нужно ехать в противоположном направлении, вот-вот закроют метро, и придется через весь город ехать на такси минимум за сотню, которой ни у меня, ни у Рыжего после неудачной игры просто нет. Но ему на это плевать. Рыжий стоит на улице и терпеливо ждет Борьку, который совершенно не торопится. Потому что “хер с ним с такси, но надо по-человечески попрощаться”. Вот такие совершенно гусарские мелочи, из которых была слеплена вся его жизнь. А вот картинка тридцатилетней давности.

Старший Лёнькин брат Мара жил с Любкой из Ярославля, очень толстой чувственной девушкой, которая утомляла его своими приставаниями. И вот часа в три ночи из смежной комнаты на Плеханова выплывал Мара и начинал думать, только ли добрести до туалета или еще и принять участие в карточной игре. Минут через пять из-за стенки раздавался нетерпеливый стук. Мара от него вздрагивал. И Лёнька всегда предлагал ему свои услуги. Говорил, что “за червонец все сделаем! Деньги - в семье! Все останутся довольны, никто не заметит подмены. А ты пока спокойно поиграешь на моем “ресте” (остатке денег на столе)”.

В последней нашей игре в карты мы оба не выиграли, и я спросил с большим недоумением, почему все последние встречи выигрывает Герман, а Рыжий серьезно сказал, что это происходит потому, что мы играем только против друг друга и Герман с этого снимает пенки. И вот в каком-то нерадующем смысле на сегодняшний день я у него выиграл.

Только что мне теперь с этим выигрышем делать?

Но всё-таки о женах, да и ещё его последняя история. Но всё дело в том, что для свободного рассказа я знаю о Лёньке слишком много и слишком мало.

“Большой Мольн” - если вы помните эту книгу, так это книга про Усвятцова. Это французская зимняя книга начала прошлого века. Она про других людей, не таких, как мы.

И лучше сейчас вместо болтовни о жёнах я расскажу о деловых качествах покойника. Это одно из самых поразительных его достоинств! Вот о чем должен был писать Коммерсант. И вообще некролог именно в Коммерсанта был замечательной шуткой века.

Рыжий был феноменально неуспешен во всех своих деловых предприятиях. Они обязательно все кончались крахом. Все. Это был самый нескладный коммерсант в истории коммерции. Я знаю еще только одного человека, который тоже всегда необъяснимо прогорал, и все его предприятия кончались тюрьмой и условным сроком. А Рыжий получил кроме многих суток армейской гауптвахты всего один условный срок за то, что его поймали в московском метро с большим тесаком, и года четыре он полировал нам кровь своими бесконечными процессами. После каждого из которых его должны были взять под стражу. То есть обстоятельство, что его коммерческая деятельность так и не кончилась долгой тюрьмой, действительно является невероятно большой нашей общей удачей!

..... Точками обозначена финансовая ситуация Рыжего, которой я не смею касаться. Главные литературные банкроты последних веков вроде Пушкина и Достоевского должны снять шляпу. Кажется, в каких-то салонах стоит непроданная антикварная мебель сикхов, которую он привез из Бомбея. Можете купить себе на память. Чапа мудро говорил, что нужно всегда поступать прямо противоположно тому, что рекомендуется Рыжим. Это залог успеха. Сейчас мне достался по наследству номерной орден Ленина, и Рыжий авторитетно сообщил, что он стоит полторы тысячи долларов и он лично пришлет мне несколько нумизматов. Уже после его смерти мне сказали, что орден стоит в пятнадцать раз меньше. Теперь я даже не знаю, как погрозить ему кулаком и злорадно об этом сообщить. Моя мама в день смерти просила дать ей досмотреть последние известия и еще фильм о Пугачихе, который шел по ОРТ. То есть я хочу сказать, что нельзя умирать, не сделав последних дел. Или ты не обещаешь продать орден Ленина, или уж так безответственно не умирай!

И ещё Рыжий, к счастью, не успел помочь мне совершить квартирный обмен. Производить обмен втайне от Лёньки я бы никогда не стал. Но вероятность, что мы все, после его обменной деятельности, поселимся в этих шкафах из Бомбея,

была невероятно высокой.

Я должен сказать, что интерес к антикварной мебели сикхов был совершенно неслучаен. Еще 4 августа 62-го года мы должны были сдавать вступительный экзамен на Восточном факультете университета на телугу, один из индийских языков. Индией он бредил очень давно! Я помню, что и я напряженно занимался двое суток перед экзаменом, волновался, почти не спал и зашел за ним рано утром. Дверь мне открыла тетя Голда. И что-то проворчала на идиш. Тётя Голда всегда была раздражена тем, что в одной коммунальной квартире с ней проживают два этих потенциальных сикха, её родные племянники. Которые по ночам воруют говядину из ее супа и по несколько часов варят эту говядину в своей кастрюле. Я вошел в комнату и остолбенел. На столе стояли две полупустые бутылки виноградного вина и валялись какие-то орехи, а абитуриент спал на своем легендарном диване со взрослой голой девчонкой. Они спали под грубым солдатским одеялом. Глуповато было будить его и говорить про экзамен и про сикхов. Я сел на стул и стал растерянно смотреть, как они продирают глаза. До этого я просто никогда не видел, как голые парень и девушка просыпаются вместе в постели. Я совсем недавно окончил школу и, конечно, уже много лет думал только об этом, но ни разу не видел этих склоненных друг к другу голов.

Вот, кажется, и все о деловой части его жизни. Теперь, наконец, можно переходить к чистой и незапятнанной лирике.

“Когда врагов утешат слухом, что я закопан в пыльном склепе,
то кто поверит ста старухам, как я бывал великолепен”.

Игорь Губерман

Я думаю сейчас, что являться на похороны Рыжего женщинам вообще не совсем прилично. Особенно, если им далеко за шестьдесят. А так как я хорошо знал подруг Рыжего еще до армии, то сборище шестидесяти-семидесятилетних старух со странными воспоминаниями, признайтесь, было довольно ожидаемо и довольно нелепо. Хотя я и знаю лично совершенно достойных женщин, которые на момент моего отъезда из России никогда не имели с ним никаких сексуальных отношений. Правда, они были не из самого близкого его окружения. И вот они на похороны вполне имели право явиться, но, во-первых, мои сведения все-таки были очень устаревшими и не очень достоверными, хоть и были с его слов. А во-вторых, непонятно, даже если это правда, как об этом оповещать. Потому что табличку себе об этом на лоб тоже не наклеишь.

Загадка Рыжего в том, что он спал с женщинами, с которыми мне никогда бы не пришлось в голову лечь в постель. С теми, кто, по определению, мог быть только хорошим другом. Или вдруг он носился по городу со своей идеей жениться на горбатой.

Я даже не помню, видел ли я за свою жизнь хоть одну молодую горбатую женщину. Кажется, нет. То есть одного желания жениться и осчастливить горбунью недостаточно, её надо еще найти. Но я уверен, что и горбатой женщине он сумел бы показать, какое безумное счастье - быть женщиной. На фоне постылой, одинокой, бездарной жизни – вдруг этот праздник. Потому что его появление было праздником везде и всегда.

Только когда очередная женщина собиралась от него рожать, он начинал бегать, как затравленный волк.

Я совершенно забыл еще об одном его безумном предприятии. Он решил организовать поиск клада. Это должно было бы идти строго в деловой части, а не в лирической, если бы не поиск горбатой. Он все время что-то искал!

И он категорически не соглашался с моей идеей, что любая половая близость с женщиной, даже разовая, является женитьбой, а скорее придерживался мнения, что женщина является только усладой для воина. И так как я предлагаю закрепить за ним дворовое королевское звание, то и живых жён по закону надо предать земле вместе с безвременно умершим монархом. Да и по закону сикхов Рыжего полагается хоронить вместе с этой толпой плачущих замужних дам.

Правда, непонятно, что тогда делать с их мужьями. Их тоже хоронить? Это несправедливо! Потому что часть из них вообще не была в курсе дела, что они женятся на Ленькиных женах. Они занимали какое-нибудь приличное место в музеях или в редакциях, часть уже была на пенсии, и всю свою жизнь они думали, что это их собственные жены.

Мои главные романы тоже происходили с Ленькиными женами, которых он мне, в конце концов, отдавал в подарок. И мне иногда казалось, что он даже готовит их для встречи со мной. Потому что главной любви, которой они ждали от Леньки, у них никогда не получалось, и я уводил их в тот момент, когда они готовы были поверить уже любой песне. Особенно в постели. Но потом в основном оказывалось, что они меняли шило на мыло.

Если говорить еще о миграции его жен, то можно говорить о невероятной щедрости Рыжего и его привычке дарить людей.

И он очень радовался чужой любви. Он говорил, что в воздухе так мало любви и ее нужно очень ценить. Он мог возвращаться к своей бывшей подруге в неурочное время, понимая, что она не одна, и радостно кричать в окно: “Скажи своему кавалеру, чтобы он меня дождался!” Один раз он попросился к нам

третьим, но, видимо, он говорил не о том, чтобы быть третьим в постели, а о том, чтобы быть третьим в любви.

Я отказал ему довольно жёстко. Думаю, что я был не прав, но теперь, по прошествии тридцати лет, я не понимаю, чего же на самом деле хотела она, та, которую мы любили. Я и сейчас ее люблю.

Да что там говорить, я завидую даже тому, что он умер. Потому что стареющий Дон Жуан – это все-таки объективно жалкое зрелище.

Ещё я должен сказать, что дискредитировать Рыжего было очень сложно. Все, что для этого можно было сделать, он с большим успехом сделал сам. И действительно, в нем сочеталась невероятная смесь высочайшего отношения людям и подростковой уличности. Я помню, что по приезду встретился с одной из наших одноклассниц, которую мы не видели уже лет десять, и когда я что-то о ней стал рассказывать, он спросил меня, как она выглядит. И пояснил свой вопрос: “Её можно та-та?” Речь шла об очень дорогом нам обоим человеке, который много для нас сделал и которого мы оба основательно по жизни покалечили, и я замялся и начал что-то лепетать, что у неё взрослая длинноногая дочь. И Рыжий сказал, что направление моих мыслей ему понятно. А я пытался только что-нибудь вспомнить о ней, чтобы уйти от ответа.

Одно время мне казалось, что вылечила меня от комплексов. Но мое страдание было, видимо, глубже или шире. До этого я лет десять этот комплекс в себе изживал. Я думаю сейчас, что он даже был не сексуальным, а скорее творческим. Но, может быть, и у Рыжего были комплексы по отношению ко мне - это мне в голову не приходило, да и сейчас предположить, что у моего отца или у Леньки могли быть комплексы, - святотатство, даже допустить этого я не могу. Но вообще у него, действительно, были какие-то постоянные мальчишковые разговоры про “мужские приборы” и “болты”, которые я просто никогда не любил поддерживать. Я думаю, что это все издержки воспитания без матери. Лёнькина мать умерла очень рано. Я думаю, что ему был всего год. Или около того.

Рыжему можно было позвонить, и его, конечно, не оказывалось дома, но автоответчик говорил слова “определенные силы!” или торжественным голосом называл день, погоду и всегда какую-нибудь нестандартную чушь, каждый день новую. В глубине души Рыжий был профессиональным автоответчиком.

На этом автоответчике держался фантастически громадный круг, где его существование было условием жизни, потому что каждая нитка замыкалась лично на нём и для многих людей смысл продолжать жизнь и что-то делать был только потому, что был жив он. Он был прообразом Интернета, в который он так и не успел выйти.

Достоин ли он сам был своего таланта? Иногда да, а иногда и нет. Кажется, можно, наконец, переходить к жёнам, но сначала немного о поэзии. Умер громадный нереализованный поэт. Писем он тоже оставил крайне мало. А стихотворение я знаю только одно:

“Хотел бы я быть иностранцем”.

Странно, что вы его не слышали.

Собственно, я знаю, что он придумал только одну эту строчку и дальше у него не пошло, но начало сам он считал чрезвычайно сильным. И в этом-то как раз смысле мне важно было попасть на похороны, чтобы сосчитать, какое количество рыдающих людей эквивалентно творчеству большого поэта. У него был какой-то страх писать. Хоть в последнее лето он говорил, мне что вот-вот. Что он что-то чувствует. Что близко.

Всё-таки поэт - это не обязательно тот, кто выпускает готовые сборники. Я думаю, что неслучившихся больших поэтов было намного больше, чем явленных, и масштаба они были самого небесного. А сколько их вообще умерло детьми!

И еще я думаю, что я пишу не о смерти отдельного человека, а о смерти целой эпохи. И что все смерти, которые могли быть вехами конца эпохи, уже, к сожалению, состоялись.

Есть ли в тексте вещи, которые я сознательно хочу опустить? Да.

Я имею в виду не всякие глупости, вроде того, что он советовал моей Таньке на девятом месяце войти в американское посольство и там приковать себя к водосточной трубе. И потом ввести себе какое-нибудь лекарство, чтобы очень быстро родить. Так можно будет получить американское гражданство! Потому что идиоты-американцы дают гражданство тем, кто рождает на их территории. Но и кроме этого есть еще пара вещей, которых я стараюсь не трогать. Они связаны с двумя женщинами, одна из них находится сейчас в Америке. Потому что она когда-то очень жестко сказала Рыжему, что не собирается жить ближе, чем в 500 километрах от него. Но в один прекрасный момент ей и этого показалось мало. А вторая женщина находится еще дальше.

Конечно, я не забываю, что пишу о человеке, который несколько раз меня серьезно предал, который не поддержал меня в самый страшный момент моей жизни, когда у меня на руках умерла любимая жена и у меня пытались отнять детей, который несколько раз спал с женщинами, которых я любил, просто потому, что ему нужно было с кем-то спать, но сейчас я думаю, что все это мелочи. И все некорректности такого рода я ему со смехом прощаю.

Жизнь прожита, и всё что было - было. Было и соблазнение чужих жен, было и уведение их из-под венца, моря счастья и слез и бессчетные тридцатники за аборты. И по Рыжему, конечно, плакала железная рука Командора. Но я смотрел с раскрытыми глазами, как он возится с умирающими больными, с безнадежными, с психозами и опухолями мозга. Как он выхаживает их, как он удерживает их в жизни – и это все на фоне своей безалаберной нескладной и беспутной судьбы.

Сам я не могу ездить к умирающим. Я - профессиональный онколог, и мне нужно три рабочих дня, чтобы перестроиться и научиться относиться к умирающим как к работе. Но я не умею ездить к ним от себя. И тем более не умею делать это на фоне романов, на фоне бесконечных баб, которых он поджидал на остановке со своей стандартной гвоздикой. Он был великодушен, а я – нет.

Сейчас момент в жизни, когда видно, что 50 лет – это детский возраст. Я помню, что писал Василию Аксенову (давно это было, лет двадцать назад), что его вещи интересуют сегодня только “стареющих пятидесятилетних дам”. Аксенов ответил мне, как рыцарь, что это не пятидесятилетние дамы, а его друзья, его девчонки и его судьба. И Рыжий тоже так видел и так понимал всю свою жизнь. И поэтому на моих похоронах такого количества бывших жен собрать не удастся никогда.

“Какой прекрасный человек!” Это он сказал за неделю до смерти об Ольге Корсуновой, но я слышал от него эту фразу много десятков раз. Я объяснил ему тогда, что не восстанавливаю уже никаких отношений, и если между всеми нами ничего не получилось, то начинать сейчас заново со сложившимися людьми мне кажется полным безумием. И он сказал что-то вроде того, что я напридумывал себе штампов и по ним живу. Но он употребил какое-то сложное слово, из тех, которые я понимаю, но не запоминаю. А Рыжий был врожденно интеллигентным человеком. Меня убило это еще в девятом классе, когда мы с ним познакомились. Мы шли на практику на прядильно-ниточный комбинат имени Кирова, и он просто спросил, как взрослый, откуда я приехал, кто мои родители, чем я собираюсь заниматься. Как-то описывается это вяловато, но для меня, провинциального мальчика, весь тон был ужасно непривычным. И это сразу сложило у меня в мозгу картину необычности Рыжего. За эту необычность его ненавидели все наши мамы. Потому что с момента знакомства с Рыжим стандартное течение жизни прекращалось. Собственно, вместе с Рыжим я даже не учился. Когда я пришел в этот класс, он уже забирал документы и переводился в вечернюю, чтобы всю эту тухлятину поскорее кончить. Когда умерла моя мама, я решил, что умерла последняя мама, которая еще

ненавидит Рыжего за то, что жизнь её сына пошла кувырком. За то, что я не поступил в Политехнический институт, за Зинку, да у неё была ещё куча причин для ненависти.

Но может быть, это – ещё не последняя мама?

За всю жизнь моя мама лишь однажды похвалила Рыжего. Ей понравилось, что он сделал её внучкам капитальную двухэтажную кровать, которая переживет всех нас: она врублена в пол и потолок, и мои дочери смогут когда-нибудь спать на ней уже старушками. Плотничать Рыжий стал уже после театроведческого факультета, который он окончил, но защищать диплом поленился. Я же говорю, что он боялся писать. Думаю, что и учился Лёнька ужасно: он совершенно не умел систематически работать. Перед каждой его курсовой набегала куча его подруг, но не романтический, а второй, “деловой” состав, его верные “дружки”, покер прекращался и все начинали шептать по углам что “Лёнька работает”.

Я не помню, какую ночь я пишу. Кажется, идут третьи сутки. Вчера я, наконец, заснул и проснулся в его квартире, но не на Типанова. Я вообще эту квартиру не узнал. Убрана она была невероятно. Не строительный склад и бардак, в котором он все годы жил. А откуда-то море цветов и эти его дурацкие орхидеи. Первый, кого я там встретил, был сам Рыжий, и я ему ужасно обрадовался. Он тоже удивился и спросил, что я тут делаю, потому что он думал, что я еще толкаюсь на даче. А я ответил, что мне рассказали про него какие-то глупости. “Кого тут, кстати, хоронят?” - спросил я. И он сказал: “Знаешь, меня”. Но тут с подарками приехал какой-то его знакомый из Германии, и Рыжий отвлекся и пошел с ним поболтать. Это был совершенно цветной сон. Мне никогда не снятся цветные сны, а Рыжему всегда снились дико радостные цветные сны, поэтому вставал он поздно и его никогда было не добудиться.

Он, в общем-то, любил детей, хотя и не слишком, но мне страшно больно, что я так и не показал ему своего сына Петьку и еще один текст, который я кончил писать совсем недавно. Меня совершенно не интересовало его мнение, мне только важно было, чтобы он прочел.

А после смерти я покажу ему вот эти строчки, и посмотрим еще, что он сам напишет про меня.

Через тридцать шесть часов я четко понял, что есть одна женщина, которой я должен обязательно позвонить и принести свои соболезнования. Она могла их принять. А могла облить меня потоком ненависти. И посоветовать мне, могу ли я позвонить ей по такому поводу, мог только человек, по поводу которого я звонил.

Когда-то Рыжий сразил меня тем, что после ночи покера он вместе с Колькой Чухвачовым бежал за мой роддом на первенство Спартака, а я был совершенно

дохлым и бежать не мог. Мы не спали за ночь ни одной секунды, а он еще невероятно много курил. Позже, после забега, он начал приставать к моим медсестрам и молодым врачихам, но это уже отдельная история.

Все-таки, может быть, в утомлении сердца, которое привело в конце концов к инфаркту, тот пробег на 800 метров внес свою лепту.

С позапрошлого лета Рыжий стал прихрамывать при быстрой ходьбе, но его было не уговорить голодать и лечиться, и истории про Павла Луспекаева, которого я несколько раз перевязывал на хирургии, на него совершенно не действовали, потому что он слишком любил курить и без сигарет у него начиналась настоящая, а не опереточная депрессия. Вообще Рыжий в депрессии - это совершенно особый тип Рыжего, это катастрофа глобального масштаба...

В последний год Рыжий сказал мне, что тоже знает, что такое одиночество.

В последний год он регулярно зазывал меня в финскую баню пообщаться, но я читал, что финские бани осложняются инфарктами и всегда их побаивался.

Я чувствую, что по закону жанра я перехожу к болезням. Но, может быть, есть еще шанс начать всё с начала, может быть, еще будет счастливый конец и он не умер? Я задаю этот вопрос, но в ответ ничего не слышу, тишина.

То, что у Рыжего не выдержало именно сердце, является для меня понятным и по жизни справедливым. Это только иллюстрация к сказке: есть вариант - сундук, а в нем заяц, в нем селезень, в нем утка, а в утке иголка, а там жизнь Кошечки бессмертного или кого-то из этих ребят. И вот такая же цепочка:

Ленинград, а в нем улица Плеханова, а там смежная комната, а в ней Рыжий, а в нем его сердце, а в сердце смысл.

Я не иду на похороны, но и на дни рождения его я никогда не ходил, а он меня никогда не приглашал.

Но я теряю возможность увидеть в одну минуту всю свою жизнь - седую, прихрамывающую, женщин, которых я не простил, наших жен, которые вышли, в конце концов, за разных литературных деятелей, которые через два дня и будут осуществлять этот вынос. Всё, последний раз все вместе. И эти похороны - его настоящее произведение, единственное, которое он допишет до конца.

Рыжий ждал этого конца в 84-м году. Он начал трепаться об этом с шестидесятого года, и для меня на свете существовало две даты, которых я с ужасом ожидал.

Одна женщина в Риме решила мне погадать по книге и раскрыла томик рассказов, который я для нее снял с полки. Она раскрыла его на фразе "в 37 лет он умер в Канаде", и я с позором и страхом смылся из Канады за два дня до своего тридцатисемилетия.

И был этот Ленькин обещанный 84-й, жуткий для меня бесконечный год на пляже. За которым шел безрадостный 85-й, снежные метели над Иерусалимом и моя жена Танька, улетевшая с крыши и погибшая у меня на руках. Вот она-то заливалась бы смехом, если бы знала, как она сама по-идиотски улетит с крыши и как Рыжий, понявший её, но не задевший её сердца, всерьез скончается где-то на рельсах от инфаркта, и что между тем еще идет жизнь, и я тащусь по ней с новой женой и новыми сыновьями, “теряя лучших товарищей”, отпуская их с миром. Это была песня Высоцкого, под которую мы играли на Плеханова. Рыжий всегда недолюбливал Высоцкого, он был человеком Окуджавы. И вот теперь после этого августа нужно снова пересчитывать, что же у меня осталось за душой.

Да дело сейчас не во мне. Меня вовсе не интересовал я. Состязание окончилось. Мне уже 55, умерла мама. И умер Рыжий. И мне нужно учиться жить без них. Я точно знаю, что по главным вещам я проиграл. И хоть по жизни получалось, что я всегда вроде бы был успешнее, но я знал, что на самом деле он сильнее меня пишет и мощнее в сексе - просто ему было не совладать со стихиями, которые его захлестывали. И в покер он был сильнее. Да и на похороны ко мне он бы обязательно пошел, а у меня не хватило смелости.

Я пишу и понимаю, что у каждого будет свой Рыжий. Но у каждого будет свой каждый, да вот кто будет так трепетать о каждом?

На каждого никто не станет вставать ночами и, умирая от холода и одиночества, писать. На каждого будет довольно необязательных десяти строк.

Хорошо, что у него есть сын. Который не знает, что он сын, но является полной копией Рыжего по всем повадкам.

И пара влюбленных дур, родивших от него на память, - они оказались правее всех.

Знаете, я что-то раздумал писать о наших женах, а вот последнюю историю, которую я от него слышал, я обязательно расскажу. Когда Рыжий был на Севере с последней женой, то они шли от острова к острову. Но иногда попадались очень большие и опасные куски, так что временами не было видно берега, к которому ты плывешь. И вот в один из таких переходов они увидели, что по морю плывет какой-то предмет. Они подплыли чуть поближе, и оказалось, что это собака. Большая лайка непонятного мокрого цвета. Она тоже повернула голову, посмотрела на них и поплыла дальше. По каким-то своим собачьим делам. Рыжий повторил это два раза: “Да вы послушайте: край света, середина моря, полдень, и куда-то по своим делам плывет собака!”

Вот так и мне хотелось бы расстаться с тем, кому это доведется читать. Наша с Рыжим история окончена.

...А я ведь даже не знаю, спал ли он с той девчонкой, на руках которой он умер. Хотя я понимаю, что, наверное, она не Бог весть что, как и все девчонки, которые соглашаются ехать с тобой в лес и обниматься в каком-нибудь отвратительном сыром спальнике. Но мне все-таки хочется, чтобы между ними что-то было. Может быть, они вместе ехали из его квартиры, и перед этим целовались, или даже вдвоём провели там ночь. Хотя у Леньки в квартире ужасный бардак, и девушкам там с непривычки очень трудно расслабиться. Но лучше я скажу совсем не об этом. Я точно знаю, что месяца за полтора до смерти был один момент, когда Рыжий точно был счастлив. Не исключено, что так счастлив, как никогда в жизни. В Питере был праздник джаза. А Рыжий очень любил джаз и особенно любил Армстронга. И как раз был какой-то юбилей Армстронга или что-то в этом роде, я в этом совершенно не разбираюсь. На Манежной площади выступали только хорошие группы. Наш рыжий мэтр приперся туда в кремовом костюме, без гроша в кармане и даже голодный. А был прекрасный теплый день, и посреди Ленинграда около Зимнего стадиона классные мужики играли на саксах и трубах. Я не знаю, кто именно там был, я действительно ничего в этом не понимаю. Может быть, играл Козёл со своей группой, если он еще играет, из Петрозаводска приехали хорошие ребята, и тут к Рыжему подошел еще один наш знакомый, которому Рыжий недавно очень помог. Когда тот был в абсолютном запое, Ленька держал его у себя целую неделю, отпаивал чаем, а потом ещё подарил карточку на все виды транспорта, чтобы тот мог как-то передвигаться по городу.

А Рыжий вообще очень любил делать такие неожиданные и очень полезные подарки. Мне прошлым летом он подарил шведский колун, понимая, что мне все лето придется колоть здоровенные чурки. Классный колун. Настоящая Скандинавия. Вы такой колун в своей жизни никогда даже не видели. И я не видел. И вот этот знакомый, которому Рыжий подарил карточку на все виды транспорта, подходит к нему, пока диксиленд играет какую-то потрясающую вещь, и говорит, знаешь, я тут немного заработал. А этот человек кандидат наук и вообще приличный физик, но он давно не работает, и когда у него нет запоев, то он сидит с одним грудным ребенком, у которого интеллигентная одинокая мамаша работает продавщицей в киоске. И довольно неплохо ему платит. Ну вот, он говорит, я тут заработал тысячу рублей и давай я тебе дам половину. И дает Рыжему пятьсот рублей одной бумажкой.

Представляете? Посреди площади заливаются трубы, никаких баб, солнце и вокруг совершенно нормальные лица. И тебе вдруг ещё дарят пятьсот рублей одной бумажкой. Уже тогда Рыжий мог бы спокойно умереть, лучшего момента для смерти я бы придумать не смог.